

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА

Однажды в интернет-сообществе, посвященном детективной литературе, я предложил составить список кандидатов на роль сыщика в историческом детективе из числа реально живших исторических деятелей. Список составлен был очень быстро и содержал более сотни имен — от Сократа до Ленина.

Но чем, в сущности, отличаются от реальных исторических деятелей вымышленные, вошедшие в историю как минимум на равных? Разве Робинзон Крузо менее знаком нам, чем Елизавета Английская? Разве капитан Немо не заслонил в нашем представлении Кибальчича или Степняка-Кравчинского?

Что если именно *эти* герои окажутся в роли сыщиков, сталкивающихся с загадочным преступлением и разоблачающих преступника? Да, в мирах, описанных Даниэлем Дефо, Жюлем Верном или Александром Дюма, они занимают совсем другими вещами. Но гений авторов дал им черты, полезные и для решения детективных загадок. Разве капитан Немо уступил бы, например, «профессионалам» — придуманному Арсену Люпену или жившему на самом деле Видоку, по части логического анализа?

Речь идет не о придуманных *гениальных сыщиках* — Дюпене, Холмсе, патере Брауне, а о совсем других персонажах, волею авторской предназначенных для других целей.

«Почему, — задался я вопросом, — почему реальные исторические деятели участвуют в головокружительных расследованиях преступлений, никогда не совершавшихся, а не менее знаменитые литературные герои, зачастую многократно превосходящие своих реальных современников в проникательности и интеллекте, нет?»

И вот, прогуливаясь по воображаемой галерее, стены которой были увешаны портретами знаменитых героев, думая, кого из них я мог бы со всем почтением пригласить в сыщики, я остановился перед одним. На нем был изображен мужчина средних лет в платье моряка XVII–XVIII веков, с мужественным и приятным лицом, правда, оно несло печать некоторого простодушия, а проникательный взгляд мужчины содержал немалую толику наивности.

— Черт побери! — едва не воскликнул я вслух. — Вот он, этот человек! Мистер Лемюэль Гулливер, судовой хирург, а затем капитан нескольких кораблей!

В самом деле: представьте себе, что в одной из стран, созданных воображением великого Джонатана Свифта, совершено ужасное преступление...

И тут великий путешественник на портрете подмигнул мне и заговорщически улыбнулся. Озадаченный этим, я немедленно взял с полки томик «Путешествий Гулливера».

Удивительна природа детективного жанра. Стоит лишь представить себе, что в том или ином произведении мировой классики таится криминальная загадка, — пожалуйста! Некто, таящийся за текстом, вдруг подбрасывает вам информацию, на которую раньше вы внимания не обращали. И вот вам уже вполне видна эта загадка, которую вы как-то «зевнули» при первом чтении. В самом деле, а случайна ли смерть Базарова? А кто на самом деле убил старуху-процентщицу? А что в действительности таит прошлое капитана Немо, и вообще — индийский ли он повстанец или все-таки польский революционер?

Почему такое случается с текстами, никакого отношения к жанру не имеющими? Может быть, потому что

эти произведения не случайно стали мировой классикой. Может быть, одна из причин — их удивительная глубина, которая сродни глубине самой жизни, и потому в них есть место всему.

Итак, раскрыв книгу о похождениях мистера Гулливера, в первой части — о путешествии в Лилипутию, я с изумлением прочел:

Несколько лет тому назад храм этот был осквернен зверским убийством, и с тех пор здешнее население, отличающееся большой набожностью, стало смотреть на него как на место, недостойное святыни; вследствие этого он был обращен в общественное здание, из него были вынесены все убранства и утварь. Этот бывший храм и стал моим домом*.

Случайность, решил я и перешел ко второй части — о Бробдингнее, стране великанов:

Однажды молодой джентльмен, племянник гувернантки моей нянюшки, пригласил дам посмотреть смертную казнь. Приговоренный был убийца близкого друга этого джентльмена. Хотя я питал отвращение к такого рода зрелищам, но любопытство соблазнило меня посмотреть вещь, которая, по моим предположениям, должна была быть необыкновенной.

В третьей — «Путешествии в Лапуту, Бальнибарби, Глабодриб, Лаггнэг и Японию» — и того изощреннее:

Я сам слышал, как его величество давал распоряжение отстегать плетью одного пажа за то, что тот, несмотря на свою очередь, злонамеренно пренебрег своей обязанностью и не позаботился об очистке пола после

* Здесь и далее все цитаты из произведений Джонатана Свифта о путешествиях Гулливера приводятся по изданию: Дж. Свифт. Собрание сочинений в 3-х томах / Пер. А. Франковского. М.: Терра, 2003.

казни; благодаря этой небрежности был отравлен явившийся на аудиенцию молодой, подававший большие надежды вельможа.

Я поспешно поставил книг на полку, опасаясь, что найду соответствующие намеки в предисловии, комментариях и даже выходных данных. И вновь поспешил в воображаемую галерею. Появился я там в то самое мгновенье, когда прославленный путешественник уже покинул раму и устроился в кресле с трубкой в руках. Я сел напротив, и тогда он заговорил.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УЖАС МИЛЬДЕНДО

1

Прежде чем приступить к рассказу об удивительных и пугающих событиях, свидетелем и участником которых мне довелось быть, я вкратце напомним читателю об обстоятельствах, забросивших меня в удивительную страну. В начале ноября 1699 года, при переходе в Ост-Индию, мы были отнесены страшной бурей к северо-западу от Вандименовой Земли. Здесь, примерно на 30 градусе южной широты, наш бриг «Антилопа» в густом тумане налетел на скалу. Случилось это 5 ноября. Только шестерым из экипажа, и мне в том числе, удалось спустить на воду шлюпку и отойти на некоторое расстояние от опасного места. Но, будучи обессиленными, мы смогли пройти на веслах всего три лиги, после чего новый шквал опрокинул шлюпку. Что случилось с моими товарищами, я не знаю; мне же посчастливилось добраться до берега. Впоследствии я узнал, что страну эту называют Лилипутией, жители ее ростом не превышают шести дюймов — и, тем не менее, я оказался пленником этих крохотных, но отважных существ. Меня они называли Куинбус Флестрин, что на местном наречии означало Человек-Гора.

Поначалу меня оставили лежать там, где нашли, предварительно опутав бесчисленным множеством веревок и цепей. Спустя короткое время по приказу императора

Лилипутии была изготовлена огромная телега. На этой-то телеге под многочисленной охраной я был доставлен в столицу Лилипутии город Мильдендо, находившийся на расстоянии полумили от того места, где я, обессиленный, выбрался на берег.

Телега остановилась на площади, расположенной в южной части Мильдендо. Тут мне позволили подняться и осмотреться. При этом несколько тысяч солдат одновременно натянули луки и держали меня под прицелом; еще одна тысяча отборных императорских гвардейцев на горячих конях готова была в случае необходимости атаковать мои ноги. Несмотря на крохотные размеры, и лучники, и копейщики-гвардейцы выглядели весьма грозно; впрочем, я и не собирался предпринимать какие бы то ни было враждебные действия против этих храбрых крошек.

Поднявшись на ноги и осмотревшись по сторонам, я с немалым удивлением обнаружил причудливых очертаний дом, по своим размерам вполне пригодный для пребывания в нем не лилипута, а обычного человека, подобного мне. Вельможа в пышных пестрых одеждах, распоряжавшийся перемещением моим в столицу, объяснил мне, что отныне этот дом будет моим жилищем. Тут я должен отметить, что благодаря врожденной способности к языкам я уже понимал некоторые слова туземцев, но большей частью нам приходилось изъясняться жестами. При этом я должен был следить, чтобы мои жесты не пугали ни самих лилипутов, ни их лошадей. Животные на мое присутствие реагировали более нервно, чем люди.

Забегая вперед, скажу, что вельможу, распоряжавшегося работами, звали Гурго. Должность же его при дворе называлась кормолап. Эта должность — нечто вроде поста министра внутренних дел, хотя точного совпадения тут не было, и некоторые обязанности кормолапа Гурго ничего общего не имели с обязанностями европейских министров. Впоследствии мы подружились, и Гурго частенько навещал меня уже не по службе, а из дружеского расположения.